

Автор Василий ДВОРЦОВ

ЛИРИКА

***

Озаренно, откровенно
Разговоры шли о главном,
О грядущем непременно,
Ослепительном и славном.

Дерзновенно мы метали
Парадоксы в поднебесье,
Роковое предрекали
Мегаполисам и весям.

Мы пылали, мы желали
Сердцем в звёзды разорваться,
Распознать века и дали...
Было нам едва по двадцать.

***

Давняя родина, я ли забыл
Зябь краснопёрых закатов?
В дымке квакучей скрипучий настил
Ведший в чужбину когда-то?

Вдоль придремавших коров и дворов
Тонкой Венериной томью
Влекший на берег – к сочленью миров
За дебаркадерной тонью.

Обь полегоньку дышала под борт
Хвоей, мазутом и рыбой.
Близился белый в огнях теплоход,
Грезился сахарной глыбой.

Даль догорала, тучнела волна,
Бакен моргал за косою.
Тайно курящая наша шпана
Тихла тревожной красою.

Вон он! – на стреже сверкающий ком,
В музыке сладкого вальса.
Вот он! – с басисто коротким гудком
Чалится скрученным галсом.

Наши сердчишки захлёбно рвались,
Наши глаза застилало:
Как оно рядом – рукою коснись
Тайны безмерной зачало...

Сколько ж вошло на его торжество,
Сколько снесло в небывалость?
Трапом подъёмным рубилось родство,
Память винтом обрывалась.

Но есть неправда – ведь я не забыл
Красные перья заката.
В дымке квакучей скрипучий настил
Я отшагаю обратно.

***

Мы сдвинем города
И сядем рядом.
Косматая звезда
Увязнет садом.

В сплетении ветвей
Забьёт лучами.
Ладонь твоя в моей
Сожмёт печали.

Смещая русла рек,
Хребты сминая,
Вернётся беглый век
К исходу рая.

Где росный вертоград
На сонном склоне,
Безмолвный звездопад,
Ладонь к ладони,

Где помнят всё всегда
Не осуждая...
Мы сдвинем города –
К порогу рая.

С.

Там, за стеклом, снега, снега.
И Петербург всё ближе, ближе.
Ночных просторов жемчуга
Стальной иглою поезд нижет.

Искрит качание равнин
Под такт качаниям вагона.
«Одна ты там... тут я один...» –
Гремит на стыках перегона.

Разбит, разрыт, разворошён,
Лицом в стекло, лицом в метели.
А там безвидный белый сон,
Остывшие полей постели.

А там забытое для всех,
Ничьё томленье и сомненье.
И мой порыв или побег –
Судьбой смешное возмущенье,

Попытка тысячам причин
Предать в последствиях законность.
«Ты там одна ... я тут один...»
Твердит стальная многотонность.

Стыкуя временной раскат
Стучат колёса в искрах пыли.
«...а снегопад – как звездопад...»
Ожгли слова. И осветили.

Деревьев разрежённый ряд
Прозрачным гребешком в тумане.
А снегопад – как звездопад! –
В нём невозможно без желаний!

Как невозможно без любви
В ночном раскачанном вагоне:
Циклон в полях, метель в крови,
Судьба в разгоне и возгоне.

Там, за стеклом, поля летят.
Метётся белая пустыня.
На стыках скоростной набат:
«А снегопад – как звездопад!
А снегопад – как звездопад...»
И эхом, эхом твоё имя.

***

Я тебе расскажу, – ты лишь слушай! –
Расскажу о пожарах в снегах,
О восторгом опоенных душах,
Что кружат в грозových облаках.

Я тебе расскажу, – ты доверься!
Про великий и малый миры,

Про Стожар и Чигирь, про медведиц,
Про подводной хозяйки дары.

Ты доверься и слушай, и слушай:
В той дали, где я жил без тебя,
По границам меж хлябью и сушей
Лебединые девы трубят.

Реки там не познали пределов,
И ветрам заграждения нет.
Люди искренни, мысли их смелы...
Там закат зажигает рассвет.

В ковыли оседают курганы,
Древних воев и полубогов.
И томятся во льдах караваны
С закаспийских зайдя берегов.

Бивни мамонтов сломанным лесом
Стелют гати бескрайних болот...
Ты послушай меня, ты доверься –
То тебя моё время зовёт.

***

Бабье лето в мужском разгуляе,
Распахнулась душа на растраты.
Паутину, в закатность сдувая,
Вьют ветра по-над полем кудлатым.

Стелют вихри по стрелке и встречно
Мятным выдохом вялые травы.
И кислят маятою извечной
Хмель желаний и опыт отавы.

Полететь бы, в ветрах закружиться,
Проклянуть, позабыть неизбежность...
Журавля не признав за синицу,
Вызреть сердцем в жестокую нежность...

Бабье лето в мужском разгуляе.
По-над полем закатность без меры.
Косит ветер добор урожая,
Засекая за серпик Венеры.

На ладонях шершавится колос
Уж нежданной надеждой согретый.
Шалым шёпотом внутренний голос
Льстит и дразнит цепные запреты.

***

Ветер листья смесив, изорвал.
Бьёт о стену зелёный прибой.
Мне луны притенённый овал
Рябью стелет дорогу домой.

Где-то там назревает гроза
Полыханьем далёких зарниц:
От угла чёрной кошки глаза
Упрежденьем враждебных границ.

Поскорей бы укрыться в тепле –
Чай и книга, и свет над столом.
Только стуки в блестящем стекле,
Только шорохи под потолком.

Но и книга попалась не та –
В ней герои Валгаллу поют,
Льды скребут и таранят борта,
Зубья скал в бурунах стерегут.

Что-то очень родное во мне,
Память ищет на ощупь ключи.
Ближе, ближе зарницы в окне,
Громче, громче раскаты в ночи...

***

Свеча прозрачную ладонь
Щенячьи трепетно лизала.
Над нею вся громада зала
Качалась, пестуя огонь...

ПЕРЕДЕЛКИНО

Ты здесь. Ты рядом. Ты со мной.
Коснусь волос и захмелею.
Парк за окном размыт весной,
Дождь морщит лужи по аллеям,
Сжимая снег в подножья елям.
Парк. Дождь. Весна. И ты со мной.

Скользя сиротской наготой,
Полнеба оцепили кроны.
В раскачку, встык, наперебой
Топорщатся немые стоны.
Но глухи тучные заслоны,
Никто не слышит боли той.

Весь полн налётом певчих птиц,
Густым оркестром страстных схваток
Дроздов, малиновок, синиц...
И дальний дым
        вдруг
                сладок-сладок.

***

Смешно – мне соловей поёт
Сквозь плотно спящий лес.
Летучей мыши мягкий лёт
Штрихует мглу небес.

Почти невидимый стою,
Впивая звёздный свет.
Смешно поверить соловью
В мои полсотни лет.

Давно ж утеряны ключи
Замкнутых в сердце слов.
А он чарующе журчит,
Клокочет про любовь.

Кипит отчаянный малыш
Восторженной красой.
А небо немо хлещет мышь
Бесплотной маятой.

И я сдаюсь, и я хочу
Поверить в соловья.
И из последних сил молчу –
Смешно, как молод я!

***

Ты зовёшь меня, родина, тайно
В предрассветных настойчивых снах:
Всхлипом, всхрипом, иль стоном случайным
Запекая призыв на устах.

И готов я рвануться из круга
Череды запасённых обид.
И готов я... Но жарким недугом
Стыд сомнений: а вдруг не простит?

Не простит озарённая заводь,
Пересветный берёзовый лог:
Не сумел же тогда не оставить –
Уманил пароходный гудок.

...Город, город, огромный и разный,
Улыбаться в лицо отучал.
В лабиринтах рекламной заразы
Затерялся убогий причал.

Затерялся мальчишка наивный,
Что стрекоз над обрывом ловил,
И что в песне осин заунывной
Укус странствий далёких испил.

Обернулось ему по-иному:
Колеса по чужим колеям,
Выжил он лишь тоской по бывшему,
По затравленным в тайну краям,

Где доверчиво так крутолобый
Белый бакен с волною играл...
Он причал покидал ненадолго –
Я себя навсегда покидал.

МЕДЕЕ

Лишь увидеть, лишь только б увидеть,
А потом пусть бессонная нудь.
В зачернённой безлуньем Колхиде
Сердце моря бьёт в пляжную грудь.

Где «Арго»? Где друзья-ветераны?
Чей, откуда призыв и куда?
Заплутали в созвездиях страны,
Вся реальность: прибой и года.

Вся реальность: камней переборы
Под накатом солёной волны,
Да в полнеба ушедшие горы
В бледной патине седины.

Седины́, седины́... Тоже повод
Заблудиться в бессонную нудь.
Страх не в том, что уже я немолод,
Боль не в том, что задор не вернуть.

...Пели ветры, свистели снастями,
Пенил пурпур смешливый дельфин.
Опьянённый собой и страстями,
Я ли не был судьбе господин?..

Предостаточно накуролесил,
Преизбыточно наследил.
Полной мерой мой рок мне отвесил
Слёз и смеха, вершин и глубин.

Кто ж теперь меня сможет обидеть –
Разве мне это нужно Руно?
Лишь увидеть её, лишь б увидеть.
А потом пусть бессонно темно.

***

Увядают к востоку высокие краски.
Утро мудрое смыло последние сны.
И пронзительно серым, жемчужно ненастным
Заполняет окно дерзкий гомон весны.

На полу разметалась забытая книга,
Обнажая чужие, чужие слова
О призвавшей Кармен, опаляюще дикой,
О погибшем солдате, испившем восторги до дна...

Эта ночь обнимала недолго и грешно.
Погружая лицо в разноцветный туман,
Я любил и терял, и, в паденье мятежном,
Тосковал над собой, сознавая обман.

И спасибо тебе, серый свет серой шторы,
Ты насущней, чем хлеб приходящего дня...
Только – бьётся в висках дерзкий смех матадора.
Только – роза в стакане как язва огня...

***

По болоту ржавыми ручьями
Собиралось озеро кривое.
В нём зеркально небо отражалось,
Небо чёрное, где облака из крови.
Там жила-была одна царевна,
Не мигая, в облака смотрела,
Всё смотрела: не летит ли стрелка
Лёгкая, да вострая, да с перьем,
Не несёт ли скорую свободу
На пиры, на танцы да забавы
Пред глазами милого Ванюши...

Но летели только самолёты,
Где-то, где-то поезда стучали,
Да охотники палили порох.
Видно нет царевичей на свете,
Чтобы чудо в мире совершилось,
Чудо-чудное – любовь как жертва.

***

Ночь в апреле и дождь.
И бессильны любые слова передать наважденье
Из смешенья любви и печали, тревоги и лени.
Ночь в апреле и дождь.
Ночь в апреле и дождь.

Я смотрю в темноту.
Мокрый вторит асфальт светофора цветному метанью.
Капель ластящий шёпот – то юность зовёт на свиданье.
Я смотрю в темноту.
Всё смотрю в темноту.

Хорошо бы уснуть.
Просто лечь и уснуть. И уйти насовсем от бывшего.
От наивного, давнего, глупо и нежно живого.
Хорошо бы уснуть.
Хорошо бы уснуть.

Жизнь всегда наугад.
Был я, был я неправ, и жесток, и излишне обидчив.
Это всё не итог – сердце спрячет, слезами очистив.
Жизнь всегда наугад.
Да, у всех наугад.

Как зовёт этот дождь.
Может, всё-таки, выйти, подставить свободе ладошки?
Долго, долго брести на рассвет бесприютною кошкой.
Как зовёт этот дождь.
Этот дождь.
Эта ночь.

СОНЕТ

Агаты волн под жемчужовой пеной,
И острый дух солёной чешуи,
И чаек клики, и слюды огни.
Вновь – за руном, за славой, за Еленой...

Даря ветрам союзы и измены,
Ловя в щиты величие зари,
Плывём на зов невиданной любви,
Платя судьбе неслыханные цены.

И нет преград искателям чудес.
Ни буйный Понт, ни козлоногий лес,
Ни вопли мойр не осекают жажды.

Из нас любой отчаянно играл,
Чтобы сказать насмешливо однажды:
- Я знаю жизнь, я часто умирал.

***

А по Сибири процвела ольха.
Не знаю слов, чтоб передать всю негу,
Всю нежность преподобья снегу.
Тут все слова правы слегка-слегка,
И краскам передать слаба рука
Пуховый белый рой.

Пуховый белый рой
И осыпь льдистых крошек.
Над золотом осоковых болот
Невестовой невинностью плывёт,
На фоне чёрно зазубрённых елей,
Предтечьем прозреваемых метелей
Фата серёжек.

Неотклонимо грузною ордой
С востока небо покрывает синь.
Тускнеют в вечер искры краснотала.
В набухших сумерках ещё наглядней стала
Весна ольхи над осенью трясин.
Пухово белый рой...
Фата серёжек...
И осыпь льдистых крошек.

***

Ничего, что так сердце болит –
Что ж ему ещё в мире делать?
Неподъёмный восход прогорит,
И к обеду опять заметелит.

Знаю, там, за Уралом, страна,
Мне открывшая древние были –
Нет величественней, чем она,
Нет богаче её и красивей.

Только небу размахом подстать –
Неоглядны и горы, и воды.
Только в ней можно вправду познать
Равноценность любви и свободы.

Можно вызнать друзей и себя,
От нужды не терпя притеснений.
Там любая дорога – твоя,
И ответственность без утешений.

В топях рямов, в урманых снегах,
На завоинах, рыбой кипящих,
Собран, смешан, спечён за века
Род людей, навсегда настоящих.

Там не выжить ни жадным, ни злым —
Слишком долог путь до зимовья,
Где случайным и даже чужим
Варят чай пополам с любовью...

Ах, зачем я сегодня не там?
Ноет, ноет усталое сердце.
Что угодно, наверно, отдам,
Лишь бы в кедр спиной упереться,

Лишь бы вновь за корой ощутить
Трудный спор корней с облаками.
И сквозь зубы жадно вцедить
Снег, вскипающий под руками.

ПЕРЕЗВОН

Где-то там – там – там –
За далёкой горой,
Стоит храм – храм – храм
По-над смуглой рекой.
Там – храм,
Храм – там.
Высоко... Далеко...

Там, где солнце осело в пыли,
Туго рожь васильки оплели,
Кружат пчёлы в тяжёлом меду,
Родники пузыряются в пруду,
Вечер прян облаками огня
Без меня.

Где-то там – там – там –
За далёкой горой...

Знал я, знал мокрый лес и стога,
Где шиповник хранит берега,
Где царь-рыба в кочарах лежит,
Стрекоза над кувшинкой дрожит...
Вихрил ветер отсветы огня
Вкруг меня...

Стоит храм – храм – храм –
По-над смуглой рекой...

Всё стремительней годы в глазах.
За беспамятство прячется страх.
Зацепившись, держусь за покой,
И уже каждый день дорогой.
В каждый вечер всё меньше огня
Для меня.

Где-то там – там – там –
За далёкой горой,
Стоит храм – храм – храм
По-над смуглой рекой.
Там – храм,
Храм – там.
Высоко... Далеко...